

Однако после душевной боли она все еще хотела узнать ответ. "Давай, ближе к делу. Одно слово - знаю, или два слова - не знаю!".

"Знаю".

На лице Ши Цин появилось выражение шока. "Он не возражал?!"Σℒ(@□@;)ℒ (Она изрыгала нецензурные выражения).

Если бы начальник Чжай возразил, то Цяо Нань уже выгнали бы из армии, несмотря на то, что старейшина Линь привел ее туда. Насколько она знала, между Цяо Нань и братом Чжаем было много взаимодействий благодаря этой возможности. Это была потрясающая новость.

Цяо Нань потеряла висок, почувствовав, что у нее разболелась голова. "Похоже, что он принимает отношение, похожее на отношение моего отца".

"Это не плохо." Ши Цин вздохнул с облегчением для Цяо Нань. "Этот человек - глава семьи. Если он согласится, то в конце концов ты сможешь одолеть другого. Твоя нынешняя ситуация довольно оптимистична".

"Я не могу чувствовать оптимизм". Цяо Нань не мог понять. После того, как Ши Цин была опечалена, почему она с таким энтузиазмом относилась к делу между ней и братом Чжаем? "Поторопись, не заставляй моего господина ждать".

"Молодые леди есть молодые леди. Вы не торопитесь, когда собираете вещи". Линь Юанькан горько улыбнулся, покачав головой. Однако, когда он смотрел на Цяо Нана, в его глазах было видно снисходительное выражение. Никто бы не поверил, что Линь Юанькан укорял Цяо Наня за опоздание. Казалось, он даже гордился тем, что у него есть такая маленькая ученица.

Это было нормально, когда женщина позволяла мужчине ждать. Также было нормально, если мужчина ждал женщину.

"Нан Нан, быстро занеси багаж... О, Ши Цин несет его. Поторопись и положи багаж в багажник. Мы должны вернуться. Иначе, когда мы доберемся до Пинг Ченга, небо будет темным. Тогда твой отец снова будет волноваться".

"Хорошо." Ши Цин быстро убрала багаж в багажник. Затем она добровольно села вместе с Цяо Нанем на заднее пассажирское сиденье и позволила старейшине Лину занять переднее сиденье.

Как только двигатель машины завелся, внезапно Цяо Нань услышал сзади громкую и звонкую песню.

Солнце садится на западе с красным заревом на небе.

Солдаты возвращаются в лагерь с тренировки по стрельбе, возвращаются в лагерь.

Красные цветы на груди образуют картину розовых облаков.

Счастливые песни наполняют воздух.

...

Mi suo la mi sao

La suo mi dao ruai

Хвалите нашу стрельбу - она самая лучшая.

Раз, два, три, четыре.

"Вернулись с тренировки по стрельбе?" Ши Цин почесала голову. Почему люди в армии вдруг запели эту песню без видимой причины? Она звучала довольно приятно.

Цяо Нань, казалось, о чем-то задумалась. Она открыла глаза и быстро опустила окно машины. Затем она высунула голову из окна. Она увидела аккуратные и нежные камуфляжные зеленые цвета, которые излучали чувство безопасности, расположенные в форме. Казалось, что она смотрит на холмы. Как единственная роза среди шипов, женщина-консультант стояла в стороне. Увидев, что Цяо Нань оглядывается, она подняла большой палец вверх, безмолвно говоря ей, что это подарок, который армия хотела бы преподнести ей. Это была благодарность Цяо Нань за то, что она пришла, а также ее проводы. Кроме того, они с нетерпением ждали возвращения Цяо Нань.

Ши Цин тоже последовала их примеру и высунула голову, чтобы посмотреть. "Эта песня была исполнена специально для тебя?"

Цяо Нань ничего не ответила Ши Цин. Она размахивала руками, глядя на самых очаровательных людей в стране.

Цяо Нань махала с такой силой, как будто ее руки могли сломаться. При виде этого солдаты не могли не повысить голос и не запеть еще громче. Несмотря на то, что машина отъехала на значительное расстояние, Цяо Нань все еще смутно и прерывисто слышала песню "Возвращение с тренировки по стрельбе". Тем не менее, она звучала так приятно!

"Ты собираешься плакать?" спросил Ши Цин, фыркнув.

Все эти годы Ши Цин часто бывал в армейском лагере и уже привык к нему.

Армейский лагерь был для нее как второй дом. Тем не менее, она никогда не видела, как это происходит. Следовательно, Ши Цин никогда не чувствовала этого раньше.

Только в этом случае Ши Цин чувствовала то же самое, что и Цяо Нань. "Чувствую себя такой обиженной. В прошлом многие обращались ко мне как к младшей, но почему никто не пел для меня, когда я уходила?"

"Не чувствуй себя обиженным. Как ты думаешь, сможет ли Цю Чэньси услышать эту армейскую песню, когда она покинет лагерь?" Цяо Нань смахнула слезы с глаз. Когда она только пришла в армию, вожатая неосознанно пыталась выяснить некоторые ее увлечения.

Она думала, что вожатая просто хочет понять ее положение. Поэтому она рассказала ей, что на самом деле не любит слушать эстрадные песни. Больше всего ей нравится слушать военные песни. На самом деле, она никогда не уставала слушать песню "Возвращение со стрельб".

В детстве Дин Цзяи не хотела беспокоиться о Цяо Нане. Цяо Нань не понимала, почему к ней такое неравное отношение, хотя она была дочерью своей матери. В это время Цяо Нань хотелось плакать, так как она чувствовала себя несчастной.

Дин Цзяи не заботилась о Цяо Нань. Только Цяо Дунлян заботился о ней.

У Цяо Дунляна не было опыта воспитания детей, и он не знал, как успокоить ребенка.

Каждый раз, когда это случалось, чтобы успокоить Цяо Нань, Цяо Дунлян брал Цяо Нань на руки и снова и снова пел ей все военные песни, которые знал.

Когда Цяо Нань слышала часть песни "Mi suo la mi sao, La suo mi dao guai", ее слезы всегда превращались в смех. Она кивала и хлопала в ладоши. Ее тонкое и миниатюрное тело, находящееся в объятиях Цяо Дунляна, следовало ритму песни и двигалось в такт.

"Так дело не пойдет!" Ши Цин сильно хлопнула по спинке своего кресла. "Так не пойдет. Когда я приеду домой, я обязательно позвоню папе и спрошу его".

Если Цю Чэньси сможет послушать песню, а я нет, то когда я в следующий раз пойду в военный лагерь, я хочу бросить им вызов!". Они действительно забыли о силе своей младшей. Они не воспринимали ее всерьез, не так ли?

"Если это так, разве вы не должны чувствовать себя спокойно? Ты, эта младшая, очень страшная, когда показываешь свою силу. Даже Чжу Баогуо был побежден тобой. Я думаю, что есть много других, кого ты победил в армии. Как взрослые мужчины, они были побеждены молодой женщиной. Это так позорно. В конце концов, Цю Чэньси был их учителем, который преподавал им несколько уроков. Если с тобой поступят так же, как с ней, это, по крайней мере, докажет, что ты гораздо важнее Цю Чэньси. Как ты думаешь, это имеет смысл?" Разве это не просто, если Цяо Нань хотел утешить Ши Цин? Достаточно было сказать всего несколько слов.

"Здесь есть логика". Ши Цин прямолинейно кивнула. В любом случае, пока с ней обращались не хуже, чем с Цю Чэньси, ее больше ничего не волновало.

"Как только мы удаляемся от лагеря, погода становится такой жаркой. Я чувствую себя как поникшие цветы, опаленные солнцем. Я немного вздремну. Разбуди меня, когда мы доберемся до Пинг Ченга". Цяо Нань смог легко заснуть в машине. Линь Юанькан был стар и не мог выдержать усталости от путешествия. Его положение было не лучше, чем у Цяо Наня.

"Отлично. И мастер, и ученик стары и слабы, больны и немощны". Увидев Линь Юанькана и Цяо Наня, опирающихся на сиденья и отдыхающих с закрытыми глазами, Ши Цин усмехнулась.

"Хахаха."

"Ха."

Старый и молодой мастера и ученики усмехнулись. Они не стали спорить с Ши Цин. У них были хорошо развитые мозги, в отличие от Ши Цина, у которого были хорошо развитые конечности.

С другой стороны, Цю Чэньси полагала, что после ухода Цяо Наня она сможет доминировать в армии и присвоить себе все то, чему учил Цяо Нань.

Она никогда не ожидала, что политкомиссар нанесет ей прямой удар по голове, от которого она оцепенела и увидела звезды. "Политический комиссар, вы... Что вы сказали?"